

В.А. Ковалёв

**«ПРАЧЕЧНАЯ» ДЛЯ РАДИКАЛА.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ПИТИРИМА СОРОКИНА
НА РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС**

Аннотация. В статье рассматриваются противоречия в научном наследии российско-американского социального теоретика Питирима Сорокина. В центре внимания находятся вопросы теории и практики революции, описанные в «Социологии революции» Сорокина. Прослеживается эволюция взглядов социолога на проблему революционных преобразований. Для лучшего понимания идей Сорокина привлекается его фантастический роман «Предтеча» («Прачечная человеческих душ»). Рассматривается связь подхода Сорокина с другими теориями революции. Социология революции Сорокина связывается с его теорией вертикальной мобильности и социокультурной динамики. Подчеркивается актуальность идей Сорокина для современной России.

Ключевые слова: Россия; революция; Питирим Сорокин; кризис; политический режим; коммунистическая диктатура; распад государства; голод; социальная мобильность; социокультурная динамика; утопия; *tabula rasa*.

Ковалёв Виктор Антонович – доктор политических наук, профессор Сыктывкарского госуниверситета им. Питирима Сорокина.

V.A. Kovalev. «Laundry» for the Radical. Transformation of Pitirim Sorokin's Views on the Revolutionary Crisis

Abstract. The article deals with the important contradictions in the scientific heritage of the Russian-American social theorist Pitirim Sorokin. The article focuses on the theory and practice of revolution, described in the «Sociology of revolution» P. Sorokin. The author traces the evolution of sociologist's views on the problem of revolutionary transformations. For a better understanding of the evolution of Sorokin's ideas, his fantastic novel «The forerunner» («Laundry of human souls») is attracted. The problem of connection of Pitirim Sorokin's approach with other theories of revolution is considered. The sociology of the Sorokin revolution is associated with its theory of vertical mobility and problems of socio-cultural dynamics. The relevance urgency of Sorokin's ideas for modern Russia is emphasized.

Keywords: Russia; revolution; Pitirim Sorokin; crisis; political regime; communist dictatorship; disintegration of the state; hunger; social mobility; socio-cultural dynamics; utopia; tabula rasa.

**Kovalev Victor Antonovich – Doctor of Political Sciences,
Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.**

В 2018 г. исполнилось 50 лет со дня смерти выдающегося русско-американского социолога Питирима Александровича Сорокина (21.01.1889–10.02.1968). Эта дата перекликается со 100-летними и трагическими юбилеями в отечественной истории: век прошел после Февральской революции и Октябрьского переворота, уничтожения семьи Романовых, начала Гражданской войны и т.д. Питирим Сорокин был непосредственным участником и страстным свидетелем многих переломных событий в российской истории, а впоследствии, чудом выжив, дал им оригинальную теоретическую интерпретацию.

И сегодня отечественные исследователи, которых интересуют процессы социально-политической трансформации, вряд ли могут пройти мимо фундаментального труда Сорокина «Социология революции». В книге рассматривается множество интересных проблем и драматических противоречий. Сорокин антиномичен и в жизни, и в научном и публицистическом творчестве – в этом он созвучен российской истории всего последнего столетия, да и тому, что ей предшествовало. Надежды на воплощение революционных идей, в которые Сорокин и его товарищи верили, обернулись кошмарной катастрофой, заставившей выжившего ученого очень многое переосмыслить в своих политических взглядах и научных построениях.

«Бездна наконец-то разверзлась. Большевизм одержал победу... Всё произошло очень просто. Временное правительство и первый Всероссийский Совет были свергнуты так же легко, как и царский режим», – так в 1917 г. Сорокин в своем дневнике писал о самом значительном и катастрофическом событии российской истории XX в. [25, с. 107]. Это «наконец-то», вольно или невольно сопряженное Сорокиным с «бездной» в данной цитате, и сегодня привлекает наше внимание. Сорокин предложил современникам и оставил потомкам свои свидетельства и размышления о российской Смуте времен революции и Гражданской войны. К ним относятся такие поразительные и страшные с точки зрения содержащихся в них описаний социальных бедствий «Листки из русского дневника», «Голод как фактор» и «Социология революции». С позицией Сорокина по тому или иному политическому или историческому вопросу можно соглашаться или нет, но нельзя не отдать должное его человеческой и научной смелости. Работа Сорокина в последние годы второго и в начале третьего десятилетия XX в. – это рискованный

«репортаж с петлей на шее», постоянное нахождение под дамокловым мечом голода, тифа и революционного террора.

В советский период тема революции, безусловно, была актуальной, но возможности ее научного описания и анализа были минимальными. На излете так называемой «перестройки» и после нее отношение к теме революции в нашей стране было своеобразным. Резко изменились ее оценки: с официально-восторженных советских характеристик «великой октябрьской революции», как всемирно-исторического события, открывшего новую эру человечества и т.п. до осознания Смуты начала XX в., как национальной катастрофы, заведшей страну и общество в исторический тупик с огромными жертвами. Это действительно была величайшая в истории антропологическая катастрофа.

Вот характерное замечание свидетеля: «Революция произвела ужаснейшее – количественное и качественное – опустошение и ухудшение населения России. Она заложила основы последующей его дегенерации» [25, с. 416]. По итогам революционных событий Сорокин стал считать, что вместо революции, безусловно, предпочтительнее реформы. В 1920-е годы, как полагал Сорокин, «немного найдется людей, которые не признавали бы старый режим бесконечно лучшим, чем современный режим, установленный большевиками» [25, с. 501].

Распространенной стратегией ныне вообще является желание не думать по-настоящему о страшных страницах отечественной истории, заменить историческое знание и моральное отношение к нему на удобный и необременительный для ума и совести миф. Знающий подробную историю «красной Смуты», российский историк пишет: «Современному человеку сложно жить с сознанием зыбкости своего существования – отсюда своего рода эсхатологическая паника, периодически охватывающая даже просвещенных людей, а равно и желание исследователей уклониться от бесстрастного проникновения в природу катастрофических явлений... Тематика революции стала малопривлекательным свидетельством когнитивной уязвимости всего современного обществоведения» [4, с. 19].

Сорокин, выживший в большевистском аду, дорогой ценой приобрел иммунитет против такого рода «когнитивной уязвимости». («Россия во мгле» хорошо просветляла мозги, конечно, если удавалось сохранить голову.) Только учитывая эти конкретные и экстраординарные обстоятельства, среди которых рождалась сорокинская теория революции, можно адекватно обсуждать ее теоретические плюсы и минусы.

Уже вскоре после революции трагический личный опыт, неоднократная угроза гибели, а также наблюдения за гекатомбами смертей, разрушением государства и «социального агрегата» сравнительно быстро побудили Сорокина к его «ценным признаниям», к отказу от участия в политических дейст-

виях, выходу из эсеровской партии, зафиксированным известным письмом в газету [25, с. 687–689].

Но ведь до этого Сорокин и его коллеги ученые и товарищи общественники, многие из которых состояли в пресловутых масонских ложах, сами активно играли в политический радикализм, развили антиправительственную агитацию и бурную деятельность по подготовке к перевороту. Конечно, их деятельность, игра в разнообразные заговоры и прожекты, была в основном направлена на политику, но не стоит забывать, какую роль в возрождении русского масонства [2] в начале XX в. сыграл, к примеру, М.М. Ковалевский, ведущий научный авторитет и один из важных учителей Сорокина (как и Де Роберти). Это оказывало существенное влияние на умонастроения образованных кругов. В том числе и поэтому политический курс Временного правительства, так или иначе, опирался на соответствующие установки (к примеру, требование войны до победного конца в интересах Франции, союзников). Опосредованно политический заговор соприкасался с комплексом внешне наукообразных теорий в области социологии, права, истории и т.д. и имел выход в публицистику и пропаганду – кадетскую, эсеровскую, социал-демократическую и др. Нам не хотелось бы здесь касаться вопроса об отношении самого Сорокина к масонерии и игре в заговоры, тем более что эта связь мало изучена и тема отчасти табуирована. Но Сорокин, с молодых ногтей приобщившийся к революционной агитации, а потом, имея таких учителей, как профессора-масоны М.М. Ковалевский и Е.Де Роберти, а также будучи секретарем А.Ф. Керенского, быть совсем «не в теме» просто не мог.

Сорокин успел за непродолжительный период как очароваться планами и перспективами революции, так и разочароваться в них. Его оценки революции после того, как она произошла, весьма заметно расходятся с тем, что он писал о русской революции, когда она готовилась и разворачивалась [23; 26]. Сам Питирим Александрович был одно время близок к эпицентру российской политики, выполняя функции секретаря у Керенского, несколько месяцев находясь возле этой фигуры, – отвратительной карикатуры на политического деятеля, как многие считают. (В рецензиях на книгу Сорокина Керенский именуется «неадекватным джентльменом», «пустословом и мечтателем» и т.п.) [25, с. 614, 616].

Но разве не применимы подобные определения к характеристике личности самого Сорокина незадолго до наступления русской катастрофы? О прямолинейных, если не сказать грубее, воззрениях молодого Сорокина на социальное развитие говорят и пробы его научного пера, разнообразная публицистика и – в особенно наглядной форме – опыт сочинения им фантастического романа, где при помощи чудо-установки решаются социальные проблемы. Пожалуй, даже больше, чем реконструкция биографических подробностей, представление о развитии взглядов Сорокина дают его тексты,

написанные до и после революционного кризиса. Здесь, помимо публицистики и научных упражнений, богатый материал для исследователей представляет опыт его художественного творчества, фантастический роман «Предтеча» или по-другому «Прачечная человеческих душ» [27, с. 109–390]. Чем-то этот донельзя наивный текст, написанный незадолго до революции, был дорог самому Сорокину, и он уже на склоне лет включал «Прачечную» в свою библиографию. В романе явственно выразились ранние умонастроения Сорокина, сказавшиеся в том числе и на его понимании революционных процессов. Эта утопия говорит нам о воззрениях автора порой даже больше, чем его публицистика и научные труды.

Конечно, в этом сочинении молодого Сорокина трудно отыскать какие-то особые художественные достоинства, хотя роман написан вполне на уровне массовой фантастики того времени. Определенная занимательность сюжета в нем присутствует, однако помимо приключений там есть и определенный социологический аспект (и утопический, ведь теснейшая связь утопии и социологии прослеживается уже у Огюста Конта, не говоря о Марксе). Если вкратце, то интрига романа состоит в том, что изобретается некая установка («прачечная – как писали тогда, через «ш») и туда помещаются антисоциальные элементы. Под воздействием чудо-технологии люди перевоспитываются, «перековываются»; преступники становятся образцовыми членами общества, отстающие учащиеся демонстрируют невиданные успехи, блистают эрудицией и т.п. Вот оно – наивно-примитивное умонастроение предреволюционной российской интеллигенции и широких «народных масс», легко уверовавших в чудо. Согласно этим настроениям, достаточно сделать небольшое усилие, и все – произойдет чудо. Общество революционно обновится и усовершенствуется; изменили рефлексы, человека как собаку Павлова «перевоспитали». В романе, кстати, действуют и прототипы академика Павлова, и многие другие узнаваемые лица, например пресловутая Матильда, и, конечно же, будущий знаменитый экономист Николай Кондратьев, и сам Сорокин.

Возможно, сам автор относился к своим художественным опытам (например, к рифмованным виршам) не очень серьезно, как к шуточному развлечению. Однако если попробовать оценить «Предтечу» как действительно фантастический роман «с идеями», то там можно выявить интересное противоречие. Действительно, переломные эпохи весьма способствуют расцвету утопического сознания, которое просто цветет махровым цветом и выражается в том числе в оригинальных произведениях фантастического жанра. Как отмечал известный исследователь отечественной фантастики Леонид Геллер: «Фантастика бурно развивается, когда приходит осознание сложности мира и недостаточности однозначных, чересчур рациональных его интерпретаций» [5, с. 372]. Это – один из факторов расцвета хорошей фантастической литературы. Сорокинского «Предтечу» мы бы к таковой не отнесли, и не только

потому, что автор все же не был писателем, но и в силу того, что в своем опыте фантастического романа Сорокин как раз чересчур рационально (это еще мягко сказано!) подходит к бесконечной сложности социального мира. И при этом мечтает о решении его проблем в духе крайнего позитивизма и какой-то рефлексологии. Это было проблемой, конечно, не только для незадачливых литераторов, но в самом «духе эпохи» было разлито представление о том, что и общество, и человека можно переделать быстро и радикально, что люди – это «чистые доски», на которых передовые умы могут написать что угодно, а «архитекторы» могут как угодно перестраивать социальное здание.

Такие идеалистические и упрощенные ожидания были свойственны интеллигенции начала прошлого века, держались они долго, и были характерны не только для революционеров, не только для либералов, но и для так называемых консерваторов. Для сравнения возьмем, скажем, роман одного «реакционера», вышедший в Белграде в середине 20-х годов, он называется «Диктатор мира». Революция уже позади, миллионы бывших подданных Российской империи разбросало по свету, но один из них, писатель А. Ренников, тоже предлагает свой фантастический сюжет. Он состоит в том, что некий властелин мира, находясь в районе экватора, насылает на европейские столицы лучи, которые парализуют население, и выдвигает ультиматум: распустить парламент и партии, прекратить политическую деятельность и подчиниться монархии [19]. То есть, если у Сорокина Никуличев и Колыбин (прототипами которых послужили сам Сорокин и его друг Николай Кондратьев) перевоспитывают недорослей и маргиналов, способствуя тем самым либерализации и прогрессу, то у Ренникова, наоборот, – прогресс поворачивается вспять, и все кажется быстрым и легким. Вот так – что революционеры, что реакционеры мечтали о простой перемене фигур на доске и не склонны были задумываться о хитросплетениях общественной жизни. (Речь, разумеется, не о фантастах, где такой подход обусловлен во многом жанровыми особенностями соответствующих текстов, а о социальных преобразователях революционного толка и различного идеологического окраса.)

Такой настрой повлиял и на возникновение драматического противоречия в воззрениях того же Сорокина. В своем научном исследовании о причинах революции он пишет о подавлении базовых инстинктов и противоречий с человеческой природой, а в художественном произведении незадолго до этого утверждал, что ситуацию можно быстро и просто изменить. И в такой вере в быстрый и простой прогресс, в коренные изменения сходились столетие назад многие революционеры и реакционеры, социалисты и монархисты и т.д.

Вряд ли это было только социально-политическим заблуждением и кратковременным идейным увлечением. Нет, под этим кроется глубинная филосо-

фия и способ понимания человека, который связан с идеей «чистого листа», или *tabula rasa*. Сторонники этой идеи придерживались весьма радикальных взглядов на возможности переделки как социума, так и отдельных индивидуумов. В XX в. это выразилось и в крайностях бихевиористской психологии, и в попытках реализации отдающих безумием экспериментов социальной инженерии. (Подробную критику идеи «чистого листа» и ее драматических последствий при попытках практического воплощения предпринял, например, Стивен Пинкер в своем фундаментальном исследовании «Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня» [17].)

Переосмысливание Сорокиным и его товарищами своих прежних революционных идей несет в себе глубокий экзистенциальный смысл. Ведь раньше сами незадачливые революционеры в своих действиях также руководствовались теми или иными идеями, разнообразной «наукой» (марксизмом, позитивизмом, эволюционизмом и т.п.); они активно изучали и пытались воплотить опыт Великой французской революции, да так, что французский террор и количество жертв «великой революции» были превзойдены на порядок. Сорокин, можно сказать, вовремя одумался и счастливо спасся из жерла революционного вулкана. Он предпринял титанические усилия, дабы вновь вернуться к научным занятиям и преуспеть в них.

По мнению самого социолога, человек, лично переживший кошмар очередной смуты, современник революции, лучше других способен охарактеризовать это явление: «Не потомки, а современники исторических событий с их непосредственным опытом (...) являются лучшими знатоками, наблюдателями и судьями» [25, с. 268]. Понимание непреходящей актуальности и проблематики социологии революции вообще и сорокинского наследия, в частности, присутствует в тематике нынешних научных исследований. «Нужно знать причины и специфику процесса, повлекшего за собой дестабилизацию всей системы. Для сегодняшней ситуации в России этот вопрос немаловажен, ведь кризис 80–90-х годов XX в. обладал всеми отличительными чертами революции: он стал коренным переворотом в жизни общества, привел к ликвидации предшествующего общественно-политического строя и установлению новой власти. В связи с этим возникает необходимость анализа работ, конституирующих такое теоретическое направление, как “социология революции”», справедливо отмечает современная исследовательница социологии революций О.С. Грязнова [6, с. 3].

Конечно, «социология революций» важна сама по себе, но она важна также и как некая лаборатория для конструирования более изощренных методов наблюдения и объяснения социальных процессов. «Революции – это скоротечные и запутанные события, однако лучшие работы о революции привносят в изучение социального изменения методологическую и концептуальную ясность» [12, с. 95]. Безусловно, изучение революций вносит немалый вклад

в развитие социальной теории. Об этом хорошо написал Ш. Эйзенштадт, отмечавший, что великие революции оказали воздействие на развитие социологии: «Дело не только в том, что современная социологическая мысль и методы анализа происходят от идеологических систем и интеллектуальных течений, тесно связанных с тем или иным революционным опытом, который сформировал современное общество, и что понимание современного общества с его революционным происхождением и опытом как уникального типа общества составляет основу современного социологического и политического анализа. Этот революционный опыт, воспринятый важнейшими идейными течениями современного общества, породил ряд основополагающих постулатов современной общественно-политической мысли вообще и социологического анализа в частности...» [29, с. 43]. Анализ феномена революции и конкретных исторических событий, связанных с революцией в России, предпринятый Сорокиным, продолжает и сегодня привлекать внимание исследователей. Мы уже однажды обращались к разбору «Социологии революции» Сорокина, сравнивая его теорию революции с подходом Алексиса де Токвиля [28, с. 43] и задачами текущей политики [8, с. 168–192].

В отличие от многих современных исследователей, акцент Сорокин делает на психологические и даже «биологические» стороны революционных процессов, когда в ходе них культурная оболочка «слетает» с человека как «общественного животного» и развязывает его самые дикие инстинкты. Социальная революция – это когда природа как бы берет вверх над культурой и социальностью: «“Ущемленные” рефлексy начинают давить на другие, эти – на следующие, происходит взрыв и наступает “извержение вулкана”. Кора социальных форм поведения лопается и разрывается, огонь биологических импульсов прорывается наружу...» [25, с. 277]. Сорокин также живо интересуется революционными движениями прошлых эпох и опыт этих исторических экскурсов и широких хроно-политических сравнений в дальнейшем послужил Сорокину в деле подготовки грандиозной «Социокультурной динамики». Но, к сожалению, разработки Сорокина сегодня вспоминают не слишком часто и в объяснении революций господствуют иные теоретико-методологические подходы.

На наш взгляд, удовлетворительного для большинства подхода и общепризнанной теории революции, позволяющей объяснить события Семнадцатого года, сегодня нет. (И вряд ли таковые появятся, учитывая разницу в идеологических воззрениях историков, социологов, а также «разруха», которая характеризует состояние научных дисциплин.) В нашей стране, после падения социализма и разрушения коммунистической догмы, исчез единый образный взгляд на революцию как на восстание наиболее передовых социальных сил ради установления справедливого общественного строя и строительства социализма во главе с коммунистической партией, хотя его

приверженцы сохранились во множестве, и они продолжают активно отстаивать свои палеонтологические политические взгляды. Несостоятельной также представляется трактовка революции как, прежде всего, результата деятельности революционеров, партий оппозиции Старому Порядку и «царскому режиму», прежде всего большевиков. Да, они присоединились к революционной стихии, возглавили ее и сумели удержаться на революционной волне и потом укротить ее, но «сделали» революцию отнюдь не «коммунисты». Широко известно высказывание «вождя революции», относящееся к началу 1917 г., о том, что их поколению революции и социализма не видать. «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции», – говорил Ленин в январе 17-го года, [13, с. 328], что примечательно в «Докладе о революции 1905 года». Что называется: «Не ждали»!

Как уже упоминалось, ранее мы также сравнивали и даже противопоставляли подходы к революции Алексиса де Токвиля и Сорокина. Но вот, по мнению известного историка революций В.П. Булдакова, они не противоположны и даже одинаково ограничены: «Попытки выработать универсальный взгляд на “анатомию революций” не прекращались со времен Великой французской революции и особенно интенсифицировались после “красной смуты”. Всякий раз они оказывались европоцентричными (как в прогрессивистской, так и консервативной их ипостасях) и безнадежно позитивистскими. Центр дискуссий имплицитно смещался к высказанному еще Алексисом де Токвилем предположению, что жертвами революции становятся не нищающие низы, а напротив, прогрессивные элементы старой системы – особенно те из них, которые оказались особенно активны в преодолении своей ущемленности. Мнение Сорокина о том, что политическим изменениям в обществе предшествуют психические изменения, практически ничего не меняло. Сложившиеся подходы тяготели к социологизирующей описательности, а с появлением теории тоталитаризма грозили выродиться в нравоучительные экскурсы во славу филистерского эволюционизма... Подобные “универсалистские” генерализации в лучшем случае становятся подспорьем сравнительного изучения цивилизаций, осуществляемого, впрочем, на все том же, заведомо ограниченном языке греко-иудейской или атлантической цивилизации» [3, с. 647].

Однако речь может идти не только об опыте отдельного исторического этапа или региона. Обратимся к другому важнейшему тексту Сорокина – книге «Голод как фактор». Эта работа, написанная в постреволюционном Петрограде, под влиянием страшного голода, частично и чудом сохранилась (набор рассыпали) и пока не оценена должным образом, хотя недавно и была перепечатана. Но на важное часто мало обращают внимание. Прожив несколько страшных лет в государстве «РСФСР», которое поклонниками «октября Семнадцатого» характеризовалось как «первое в мире социалисти-

ческое государство», выживший социолог показывал и доказывал, что социалистический опыт был далеко не первым. Конечно, сорокинское понимание социализма было далеко от пропагандистских сказок о дороге к земному раю. Социализм в своей сущности – это огосударствление всего и вся, диктатура обожествляемых вождей, произвол разросшегося чиновничества. Откуда это берется? Причины в той же мальтузианской ловушке, когда разросшемуся населению при неразвитых технологиях не хватает «хлеба». Эти дефициты и «ущемление пищевых рефлексов» резко усиливаются войной и последующей разрухой. Исследователь голода пишет: «Следствием как войны, так и революции оказывается милитаризация, централизация и “военная коммунизация” общества, т.е. тот же принудительный этатизм». Последний и является, по Сорокину, «социализмом» – тем самым «социализмом», по которому сегодня столь многие ностальгируют, забыв о миллионах жертв, а также про карточки, пайки, очереди, «колхозы», хронический дефицит и постоянные заботы о продовольственном обеспечении семьи. С подачи М.И. Ростовцева и других историков, социолог считает, что подобие «социализма» (т.е. принудительного этатизма) наблюдалось к концу истории Рима. Всё опекается, всё регламентируется, всё принудительно регулируется сверху. И тогда «на месте Римского государства возникает близкое к предельному принудительно-этатическое общество [22, с. 375]. Получается что-то до боли знакомое. «Третий Рим» закончил примерно тем же как «Первый». Так что сорокинскую теорию революции, взятую во всем многообразии ее аспектов, рано сбрасывать со счетов и полагать «устаревшей».

Конечно, революционные события также сопровождаются соответствующей «идеологией» (в широком смысле), о чем писал Ш. Эйзенштадт: «Центральное место в этом лидерстве приобрели особые культурные группы – религиозные или секулярные, – прежде всего интеллигенция и политические активисты, среди которых выделялись носители гностических представлений о построении Небесного Града или же какой-то его секулярной версии на Земле» [29, с. 31]. Добавим, что такого рода идеологии – от коммунизма до радикального исламизма – хорошо приспособлены для оправдания массовых убийств «лишнего населения» в социумах, попавших в «мальтузианскую ловушку»; а после разрушающих инфраструктуру гражданских войн и т.п. «лишние рты» безжалостно истребляются.

Далее стоит кратко указать собственно на теории революции. Наиболее удачным нам представляется определение революции, данное Джеком Голдстоуном: «Революция – это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [7, с. 15]. Мы бы также сказали, что понимаем революцию, как разрушение прежнего государства (как аппарата управления

и легитимного насилия), произведенного внутренними силами. Да, революция – это, прежде всего, РАСПАД ГОСУДАРСТВА, что, применительно к России, красочно и ярко отражено в сорокинских «Листках из Русского дневника». Понимание революции, как прежде всего «классовой борьбы», в марксистском духе весьма сомнительно. Особенно смешно это выглядит, когда октябрьский переворот большевиков называют «пролетарской революцией». Однако и использование революционной энергии крестьянства, когда большевики оседлали стихию мужицкого бунта с тем, чтобы потом приступить к методичному уничтожению сельского населения – «лишнего и нелишнего»), и попытки эсеров (партии, к которой принадлежал Сорокин) дать свободу большинству народа, и попытки осуществить «буржуазно-демократические преобразования», которые наш социолог на первых порах радостно приветствовал в своих газетных статьях [26], – всё это окончилось провалом. Как пишет Мартин Малия: «Октябрь 1917 г. был одновременно и государственным переворотом, и социальной революцией. По содержанию, он был ультрареволюционным: большевики отняли власть не только у буржуазии, но у общества как такового» [14, с. 316].

Что касается «классовой борьбы», которая, конечно же, имеет место (притом, что сама категория «класса» – это идеально-типическая конструкция, которая в одних случаях может подходить для анализа, а в других – лучше сконцентрироваться на иных противоречиях в социуме и пользоваться другими понятиями). Но не классовая борьба сама по себе приводит к революции, а сочетание иных факторов. По мнению известного американского макросоциолога Р. Коллинза, в последние десятилетия старая парадигма революции как классового конфликта была разрушена, хотя остатки ее сохраняются в современном мышлении об идеологии примерно так же, как продолжает крутиться маховик, когда приводной вал уже сломан [11, с. 53]. По его же мнению, гораздо большее значение в крахе СССР (а ранее и Российской империи) сыграло геополитическое напряжение [10]. Государство с недостаточно развитой экономикой и неустойчивой социальной структурой ввязывается во внешнеполитические авантюры и, пытаясь решить непосильные задачи, надрывается. Сейчас, кажется, наша история повторяется уже в откровенно карикатурном виде.

Р. Коллинз отмечает: «Благодаря сравнительным исследованиям подъемов и крушений государственных режимов Теда Скочпол, Джека Голдстоуна, Чарльза Тилли, Майкла Манна и других была сформулирована так называемая теория революции как распада государства. Ее центральное положение состоит в том, что успешная революция начинается сверху, а не снизу, со стороны недовольных и обнищавших масс. Основные составляющие этого процесса таковы. Во-первых, налоговый кризис государства: государство оказывается неспособным платить по своим счетам, а в конечном итоге

оплачивать свои службы безопасности, армию и полицию. Фискальный кризис государства ведет к летальным последствиям, если он сопровождается вторым компонентом – расколом в элите по поводу того, что делать. К этому можно добавить вторичные факторы, предшествующие основным двум и обычно (хотя и не всегда) включающие причины военного характера. Налоговый кризис государства часто становится следствием чрезмерных военных расходов, а элитный тупик особенно усугубляется военным поражением, которое лишает правительство легитимности и провоцирует призывы к решительным реформам. Раскол элит парализует государство и открывает путь новой коалиции с радикальными целями. Именно в этом вакууме власти – в том, что теоретики социальных движений теперь называют структурой политической возможности, – успешно мобилизуются социальные движения. Нередко они выступают во имя недовольных низов, но в общем случае эти радикальные движения возглавляются группами представителей высшего среднего класса, обладающими наилучшими социальными связями и организационными ресурсами. Как давно уже признал А. де Токвиль [28], радикализм того или иного движения не соотносится со степенью обнищания масс. На самом деле то, что предопределяет степень радикализма, находится скорее в области идеологической и эмоциональной динамики возникающего конфликта, хотя теоретическое осмысление этого обстоятельства так и осталось незавершенным» [10, с. 48].

В подходе Сорокина к объяснению революции невооруженным взглядом просматривается влияние подходов Павлова и Бехтерева, а также социальной и психологической науки того времени. То есть идеи, повлиявшие на написание фантастического романа о чудесном преобразовании людей, продолжали оказывать еще свое остаточное влияние на автора «Социологии революции». Согласно последнему, шестому очерку «Социология революции», к революции могут привести «пищевые рефлексy» людей, ущемленные голодом, «рефлексy индивидуального самосохранения», ущемленные произвольными казнями или войной, ущемленные «изнасилованиями, развращением их жен и дочерей, принудительными браками или разводами» и т.п. [25, с. 513–514].

Этот перечень легко связать с событиями той или иной революции. Но также легко найти эти признаки и в событиях эпох, которые ни к каким революциям не привели. Отличие «Социологии революции» от господствующих ныне в макросоциологии теорий революции не только в методологии, обусловленной развитием науки конца XIX – первой четверти XX в., увлечении Сорокиным психологическими и биологическими подходами, что оборачивалось подчас «махровым бихевиоризмом» и т.д. Главное – это сосредоточенность Сорокина на протекании самого революционного процесса. Подробное и остроумное описание им ...«рефлексов», до предела разрушающихся в революционные эпохи, а потом восстанавливающихся при помощи драконов-

ских мер при возвращении общества в «норму». Однако люди большую часть истории жили очень плохо и «подавление базовых инстинктов» к революции ведет отнюдь не всегда. Конечно, сегодня такое преимущественно бихевиористское объяснение революций удовлетворять уже не может. Видимо, не вполне устраивало оно и самого Сорокина.

Сорокин, после того, как до глубины души был потрясен революционными событиями, которые произошли в стране, дальше, в эмиграции, начинает работать над изучением проблемы академически. Один из главных его трудов, благодаря которому Сорокин вошел в историю социологии, – это, конечно, «Социальная мобильность» [24]. В этой книге социолог также размышляет об опыте революции. Видно, что его концепция направлена против марксистской мифологии всеобщего равенства, утверждений о возможности построения бесклассового общества. Сорокин утверждает, что когда одна система социальной стратификации разрушается, вскоре другая на ее месте создается. Эта система может быть даже более несправедливой, более асимметричной. Но равенства в сложных обществах быть не может. Социальная стратификация неразрывна с социальной мобильностью. Сорокин в качестве объяснения предлагает модель «скороварки». Если несколько упростить, то в чем причина революции? Там наверху элита монополизировала все лучшие позиции и никого туда не пускает. Внизу растет напряжение, есть инициативные люди, которые туда хотят подняться. Но лифты, каналы вертикальной мобильности для них закрыты: кипит наш разум «возмущенный», создается контрэлита, и начинается революция. На первый взгляд, убедительно, но модель «скороварки» подверглась серьезной критике – об этом, например, писал Р. Коллинз. Интенсивная вертикальная мобильность усиливает конкуренцию и это может привести к кризису системы.

Созданные теории стратификации и мобильности позволили объяснить революцию как период, в ходе которого общества с низким индексом мобильности (закрытые общества) осуществляют необходимую перестройку, которую открытые общества с высоким уровнем мобильности реализуют эволюционно [1, с. 35], и, с точки зрения Сорокина, революция является следствием количественных и качественных форм запаздывания социальной мобильности. Ослабление групп социального контроля Сорокин считает следствием общей деградации власти, порождаемой как социальными, так и биологическими причинами. Блокировка каналов социальной мобильности и ее медленный характер приводит к практике наследования статусов и власти, что, в свою очередь, влечет за собой деградацию как способностей, так и биологических качеств. Помимо этого происходит атрофия силы и воли элиты ввиду доминирования умственного труда над физическим, следствием чего является неспособность к решительным действиям.

Из анализа причин революции логично следует рассмотрение и объяснение ее исходов. С одной стороны, объясняется, почему власть становится неспособной сдерживать растущее социальное напряжение, с другой – почему фракция интеллектуалов-реформаторов из числа оппозиции после смещения старой власти становится неэффективной и с третьей – почему ключевые позиции в новой социальной иерархии занимают не интеллектуалы, а решительные, тоталитарно ориентированные «фанатики» или «военные вожди». [6, с. 16–17].

Если «непригодные индивиды смещаются со своих мест несвоевременно и не в полном составе», это приводит к тому, что во всех «слоях их будет накапливаться все больше и больше. В результате социальные функции всех слоев начинают выполняться плохо. Вследствие этого происходит дезинтеграция всей жизни общества. Члены такого общества начинают страдать. Страдание порождает все большее и большее недовольство. Если подобная ситуация сохраняется, то происходит либо медленное разложение общества, либо революционный взрыв» [24, с. 339].

Однако и теория мобильности Сорокина сегодня также нуждается в уточнении. Как отмечает Коллинз: «Общая модель подъема и падения классов была относительно автономна от экономической основы, но сохраняла ее структурные свойства. В американской социологии со времени Сорокина, т.е. с 1920-х годов, акцент сместился на индивидуальную мобильность. Революции связывались с прорывом препятствий для социальной мобильности индивидов, продвигающихся наверх благодаря своим талантам и амбициям, тогда как открытые каналы мобильности в соответствии с достоинствами считались своего рода предохранительным клапаном, ослабляющим давление и устраняющим условия возникновения революций. Изучение социальной мобильности (позже названной “достижением статуса”, или “статусным продвижением”, – status attainment), игравшее главную роль в социологических исследованиях вплоть до 1960-х годов, было в значительной степени результатом принятия базовой модели о том, что блокирование “поднимающихся социальных классов” приводит к революциям, а также результатом предпочтения пошаговых, постепенных реформ, которые, как считалось, и способствуют мобильности» [9, с. 52].

В принципе сам Сорокин своей биографией, своей жизнью и своей политической карьерой как бы опровергает собственные тезисы о том, что революция произошла из-за закрытия каналов восходящей мобильности. Он ведь сам поднялся из самых низов, его «вертикальная мобильность» – это впечатляющий взлет наверх. Конечно, это произошло благодаря огромной настойчивости, работоспособности, собственным огромным усилиям и редким способностям. Но таких как Сорокин было очень много в предреволюционной России. И, несмотря на достигнутые личные успехи, их недовольство

общим положением дел стремительно росло, – они были ферментом социальной радикализации. В этом еще одно противоречие в подходах при объяснении причин революции.

Из теорий революции по понятным причинам громче всех заявляли о себе различные варианты марксистского подхода, но не только. Сама Теда Скочпол в своей знаменитой книге выделяет, помимо марксистских, еще три теоретических подхода: «Три других группы теорий революции сформировались значительно позже, чем марксизм... Каковы бы ни были намерения их авторов, данные теории были призваны объяснить революции как особые явления либо как часть более широкого круга явлений. Большинство этих новых теорий может быть идентифицировано с одним из трех основных подходов: психологические теории стремятся объяснить революции с точки зрения психологической мотивации людей на участие в политическом насилии или оппозиционных движениях; системные теории пытаются объяснить революции как насильственный ответ идеологических движений на резкое нарушение равновесия в социальных системах; теории политического конфликта утверждают, что конфликт между правительствами и стремящимися к власти организованными группами должен занять центральное место в объяснении коллективного насилия и революций. Важнейшими работами в рамках каждого из этих подходов являются: “Почему люди восстают” Т. Гурра (психологическое направление) (1), “Революционные изменения” Ч. Джонсона (системная теория) (2) и “От мобилизации к революции” Ч. Тилли (теория политического конфликта)» [30, р. 9].

Анализ, который предприняла сама Скочпол, отличается от этих подходов тем, что он носит «неволютаристский характер», уделяет значительное внимание международному (геополитическому) контексту произошедших революций, не замыкаясь только на внутренних факторах, а также рассматривает государства как организации потенциально независимые от социально-экономических интересов и структур, хотя и обусловленных последними. Надо также напомнить, что в развитии структурного подхода к революциям наблюдается завидная преемственность между Б. Муром, Т. Скочпол и Д. Голдстоуном, когда исследователи развивали и дополняли теорию своего учителя.

Как видим, социальная теория в изучении революций пошла иным путем, нежели предполагал Сорокин. Сам русско-американский социолог, после работ 1920-х годов, обратился, как известно, к построению теории социокультурной динамики, в рамках которой войны, революции и кризис нашего времени рассматривались как выражение кризиса так называемой чувственной суперсистемы [21, с. 427–504]. Проблематика социальных революций таким образом ставилась в гораздо более широкий контекст.

Следующий этап работы профессора Сорокина, который условно можно выделить, связан с работой над «Социальной и культурной динамикой». И здесь чувствуется русский след. Он не только в том, что Сорокин привлекает российских эмигрантов для подготовки книги, но и в интерпретации причин революции, которые он видит в кризисе так называемой чувственной суперсистемы культуры. Опять возникают серьезные противоречия, связанные с социокультурной динамикой и с дальнейшим его переходом к изучению альтруизма.

В чем эти противоречия? Вообще в первой половине XX столетия многие увлекались попытками создать теорию истории, сконструировать историософию, в рамках которой можно было бы охватить все, объяснить весь мировой исторический процесс. Самый известный пример для сравнения – это попытка А. Тойнби и его «Постижения истории» [21, с. 427–504], наполненной серьезными концептуальными противоречиями. Как нам кажется, Сорокин тоже не избежал этого, хотя он сделал труд более компактным (за четыре года вышло «все» четыре тома). Но когда он пытается доказать, что чувственная система рушится и возникает нечто новое, где важную роль будет играть роль творческий альтруизм, то хочется задать много вопросов, к примеру, спросить, а в этих событиях, которые Сорокин видит кризисными, разве не было элемента альтруизма? Ведь революция сопровождается не только резней, одичанием, но и массовым самопожертвованием, и там был даже своего рода альтруизм. А в мировых войнах, где с разных сторон гибнут миллионы, но при всем том многими движут высокие порывы, своеобразный идеализм, помноженный на милитаристский психоз, – разве это не проявление альтруизма? Позднейшие теоретические построения Сорокина поражают как своей грандиозностью, так и противоречивостью, но здесь невозможно подробно осветить эти вопросы. Применительно к нашей теме надо отметить, что Сорокин прямо не раскаивается в непосредственно своей революционной деятельности в царской России, но «снимает» это противоречие на уровне более широких обобщений. Однако пережитые в ходе революции и Гражданской войны ужасы не могли не повлиять на основания мировоззрения самого Сорокина: «Волна смерти, зверства и невежества, захлестнувшая мир в XX цивилизованном, как считалось, столетии полностью противоречила всем сладеньким теориям прогрессивной эволюции...» [19, с. 167].

Сорокин очень часто варьирует эти идеи, особенно в связи с работой над грандиозным трудом «Социальная и культурная динамика» и др., где он приходит к выводу о глобальном кризисе так называемой «чувственной суперсистемы», выражением которой и были войны и революции переживаемого им столетия. Опасность возрастала также в связи с глобальным характером этого кризиса, помноженного на новые разрушительные возможности техники. Поэтому «во всей человеческой истории едва ли найдется другой, столь же

критический период с точки зрения сохранения жизни на земле, столь же пораженный безумием людских масс и особенно правящих кругов, столь же отмеченный превращением человека в самого дикого и опасного из зверей. Человек-убийца, человек-разрушитель принес смерть телу, духу, уничтожил в себе Божье подобие. Всё гибло – тело, дух, вековая мудрость, прекрасные мечты» [20, с. 213–214].

И в этом интеллектуальном покаянии русский социолог был не одинок. Любопытный и в чем-то даже курьезный пример, подтверждающий это, находим в эмигрантском «обмене мнениями» между Сорокиным и А.Ф. Керенским. Незадачливый политический деятель эпохи «Смуты» пишет своему бывшему секретарю: «После Вашего “Кризиса нашего времени” я окончательно убедился, что при всех наших во многом расхождениях мы одинаково видим и переживаем главное: распад современной цивилизации как следствие отречения от Духа христианства. Вот вопрос, который меня мучает: возможно ли чудо Воскресения религии после двух тысячелетий, заканчивающейся духовной катастрофой?!» [18, с. 16]. К сожалению, эти духовные, или, если угодно, «психоментальные» (термин, используемый историком В.П. Булдаковым) предпосылки как русской революции, так и глобального кризиса по-прежнему плохо изучены. А поскольку отсутствие кризисов нам не грозит ни в настоящем, ни в будущем, то сорокинское наследие объективно является весьма востребованным. Но анализ его «Динамики» и других более поздних и более зрелых работ – это уже другая тема.

Если вернуться к «Социологии революции» то, как это ни удивительно, написанная более 80 лет назад книга Сорокина остается политически актуальной как для рассмотрения недавних событий в отечественной политической истории, и того, что происходит сегодня, как и для анализа завтрашних перспектив. Не будем, наконец, забывать о глобальном контексте возможных политических потрясений, с которыми и ранее были синхронизированы русские Смуты. Возможно, это объяснимо с точки зрения теории экономических циклов, которую разработал погибший друг Сорокина Николай Кондратьев – эти большие циклы несут с собой не только экономические, но и социальные, культурные и политические перемены. Ход и итоги развития мирового кризиса, в том числе его политической составляющей, предсказать точно практически невозможно. Однако стоит задуматься над тем, что этот кризис только на поверхности выглядит как «ипотечный», «финансовый» и т.п., но корни его скрыты гораздо глубже. Состояние экономики лишь выражает более глубокие причины мировых катаклизмов, глобальной социокультурной динамики, объяснить которые пытался Сорокин своей теорией о кризисе «чувственной суперсистемы». Этот глобальный кризис с неизбежностью будет усугублять собственно российские проблемы и может привести к политиче-

ским потрясениям, точно прогнозировать которые сейчас просто нет возможности.

Противоречия и дилеммы в изучении революций – это неизбежность [16, с. 92], однако сорокинский анализ революционного феномена, особенно с учетом последующих разработок, позволяет осуществить выход на многие теории революции – и в этом его достоинство, а не недостаток. И такая необходимость существует, особенно в связи с актуальными и опасными тенденциями в мире современной политики и видимой уже невооруженным взглядом тенденции затягивания России в воронку нового сильнейшего кризиса. Проблема, однако, в том, что принять эстафету от того же Сорокина сейчас нам очень непросто. Русскую теорию революции просто некому было развивать в советских условиях при безраздельном господстве репрессивного марксистско-ленинского «талмудизма». В итоге, для того чтобы приблизиться к адекватной теоретической рефлексии по поводу своей собственной трагической истории, надо не только осваивать мировые (западные) научные достижения, но и обращаться к своим собственным истокам. И здесь теория социологии революции Сорокина может оказать большую помощь. Конечно, отношение к социологической классике и связь ее с анализом современных ситуаций – это очень сложная проблема, которую в свое время остро поставил Роберт Мертон. Коллега Сорокина писал, «что интерес к классическим произведениям прошлого также вызвал интеллектуально дегенеративные тенденции в истории идей». И далее: «Изучение классических произведений может быть или прискорбно бесполезным или удивительно полезным. Всё зависит от того, какую форму принимает это изучение: бесплодного простого толкования классики и превращения истины в банальность или активного развития и разработки теоретических наметок авторитетных предшественников. Огромная пропасть разделяет эти два подхода и обуславливает двойственное отношение ученых к постоянному чтению первоисточников» [15, с. 54].

Хотя опыт русской трагедии послужил для самого Сорокина своеобразной «прачечной души», избавив его от ряда крайних позитивистских и радикальных воззрений, многие из ранних идей социолога впоследствии своеобразно трансформировались и вновь обнаружили себя (к примеру, в беспощадной критике послевоенной американской действительности). Питирим Сорокин – это человек с чисто русской судьбой, у него много своих внутренних демонов, которые его разрывают не меньше, чем, например, Ф.М. Достоевского. При этом Сорокин привлекает именно тем, что он зачастую противоречит сам себе. В постановке вопроса он расширяет исследовательское поле, и противоречий, нестыковок, драматических моментов в сознании возникает еще больше. И тем самым он расширяет контекст. А то, что Сорокин для нас очень современен и актуален, несмотря на все его противоречия, у нас

сомнений нет. Идеино Сорокин – наш современник. Его метания и драмы, может быть, часто важнее и интереснее, чем иные его позитивные утверждения.

Библиография

1. Асочаков Ю.В., Иванов Д.В., Ломоносова М.В. Питирим Сорокин как «зеркало» трех русских революций (по материалам круглого стола 13.11.2015) // Наследие. Сыктывкар, 2016. № 1(8). С. 32–39.
2. Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 332 с.
3. Булдаков В.П. Красная Смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 967 с.
4. Булдаков В.П. Кризисный ритм российской истории: К культурно-антропологическому переосмыслению // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2015. № 2. С. 18–52.
5. Геллер Л. Вселенная за пределами догмы. Размышления о советской фантастике. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 444 с.
6. Грязнова О.С. Теоретические подходы в социологии революции: сравнительный анализ концепций П. Сорокина, Л. Эдвардса и Т. Скокпол: Автореферат дис. ...на канд. соц. наук. М., 2009. 28 с.
7. Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.
8. Ковалёв В.А. Русская «Смута» как предмет «Социологии революции» П.А. Сорокина: Воспоминания о будущем? // Питирим Сорокин: Новые материалы к научной биографии. Сб. научных трудов. М.: ИНИОН РАН. 2012. С. 168–192.
9. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
10. Коллинз Р. Предсказания в макросоциологии: Случай советского коллапса // Время мира. Альманах. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 234–278.
11. Коллинз Р. Технологическое замещение и кризисы капитализма: Выходы и тупики // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2010. № 1. С. 35–50.
12. Лахман Э. Что такое историческая социология? М.: ИД «Дело»; РАНХиГС, 2016. 240 с.
13. Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. 30. С. 306–328.
14. Маля М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. М.: РОССПЭН, 2015. 405 с.
15. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 880 с.
16. Никифоров А.А. Революция как объект теоретического осмысления: Достижения и дилеммы субдисциплины // Полис. 2007. № 5. С. 92–104.
17. Пинкер С. Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 608 с.
18. Письмо А.Ф. Керенского П.А. Сорокину от 12 мая 1944 // Питирим Сорокин: Избранная переписка. Вологда: Древности Севера, 2009. 336 с.
19. Ренников А.М. Диктатор мира. Роман будущего. Белград: Новое время. 1925. 207 с.
20. Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар: СЖ Коми. 1991. 304 с.
21. Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Республика. 1992. С. 427–504.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

---

22. Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2014. 496 с.
23. Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000. 300 с.
24. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia; LVS, 2005. 588 с.
25. Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. 848 с.
26. [Сорокин П.А.] Питирим Сорокин: Известные газетные статьи 1917 года. М.: Перо, 2016. 152 с.
27. Сорокин П.А. Прачечная человеческих душ: Художественные произведения. 1907–1923. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2017. 512 с.
28. Токвиль, Алексис де. Старый порядок и революция. СПб.: Алетейя, 2008. 248 с.
29. Эйзенштадт Ш. Революции и преобразования обществ. Сравнительное изучение цивилизации / Пер. с англ. А.В. Гордона, под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект-Пресс, 1999. 416 с.
30. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 407 p.

References

- Asochakov Ju.V., Ivanov D.V., Lomonosova M.V. Pitirim Sorokin kak «zercalo» treh russkih revoljucij (po materialam kruglogo stola 13.11.2015) // Nasledie. Syktyvkar, 2016. N 1 (8). P. 32–39.
- Berberova N. Ljudi i lozhi. Russkie masony XX stoletija. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2018. 332 p.
- Buldačkov V.P. Krasnaja Smuta: Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija. Moscow: ROSSPJeN, 2010. 967 p.
- Buldačkov V.P. Krizisnyj ritm rossijskoj istorii: K kul'turno-antropologičeskomu pereosmysleniju // Politicheskaja konceptologija. Rostov-na-Donu, 2015. N 2. P. 18–52.
- Geller L. Vseleennaja za predelami dogmy. Razmyshlenija o sovetskoj fantastike. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 444 p.
- Goldstoun D. Revoljucii. Očen' kratkoe vvedenie. Moscow: Iz-vo Instituta Gajdara, 2015. 192 p.
- Grjaznova O.S. Teoreticheskie podhody v sociologii revoljucii: Sravnitel'nyj analiz koncepcij P. Sorokina, L. Jedvardsa i T. Skokpol: Avtoreferat dis. ...na kand. soc. nauk. Moscow: 2009. 28 p.
- Jeizenshtadt Sh. Revoljucii i preobrazovanija obshhestv. Sravnitel'noe izučenie civilizacii / Per. s angl. A.V. Gordona, pod red. B.S. Erasova. Moscow: Aspekt-Press, 1999. 416 p.
- Kollinz R. Makroistorija: Očerki sociologii bol'shoj dlitel'nosti. Moscow: URSS: LENAND, 2015. 504 p.
- Kollinz R. Predskazanija v makrosociologii: Slučaj sovetskogo kollapsa // Vremja mira. Al'manah. Novosibirsk, 2000. Vol. 1. P. 234–278.
- Kollinz R. Tehnologičeskoe zameshhenie i krizisy kapitalizma: Vyhody i tupiki // Politicheskaja konceptologija. Rostov-na-Donu, 2010. N 1. P. 35–50.
- Kovalev V.A. Russkaja «Smuta» kak predmet «Sociologii revoljucii» P.A. Sorokina: Vospominanija o budushhem? // Pitirim Sorokin: Novye materialy k nauchnoj biografii. Sb. nauchnyh trudov. Moscow: INION RAN. 2012. P. 168–192.
- Lahman Je. Chto takoe istoričeskaja sociologija? Moscow: ID «Delo»; RANHiGS, 2016. 240 p.
- Lenin V.I. Doklad o revoljucii 1905 goda // Lenin V.I. Polnoe sobranie sočinenij. M.: Izd-vo političeskoj literatury, 1973. Vol. 30. P. 306–328.

- Maliža M. Lokomotivy istorii: Revoljucii i stanovlenie sovremennogo mira. Moscow: ROSSPJeN, 2015. 405 p.
- Merton R. Social'naja teorija i social'naja struktura. Moscow: AST, 2006. 880 p.
- Nikiforov A.A. Revoljucija kak ob'ekt teoreticheskogo osmyslenija: Dostizhenija i dilemmy subdiscipliny // Polis. 2007. N 5. P. 92–104.
- Pinker S. Chistyj list. Priroda cheloveka. Kto i pochemu otkazyvaetsja priznavat' ejo. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2018. 608 p.
- Pis'mo A.F. Kerenskogo P.A. Sorokinu ot 12 maja 1944 // Pitirim Sorokin: Izbrannaja perepiska. Vologda: Drevnosti Severa, 2009. 336 p.
- Rennikov A.M. Diktator mira. Roman budushhego. Belgrad: Novoe vremja. 1925. 207 p.
- Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 407 p.
- Sorokin P.A. Dolgij put'. Syktyvkar: SZh Komi. 1991. 304 p.
- Sorokin P.A. Golod kak faktor: Vlijanie goloda na povedenie ljudej, social'nuju organizaciju i obshhestvennuju zhizn'. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2014. 496 p.
- Sorokin P.A. Krizis nashego vremeni // Sorokin P.A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. Moscow: Respublika. 1992. P. 427–504.
- Sorokin P.A. Listki iz russkogo dnevnika. Sociologija revoljucii. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2015. 848 p.
- [Sorokin P.A.] Pitirim Sorokin: Neizvestnye gazetnye stat'i 1917 goda. Moscow: Pero, 2016. 152 p.
- Sorokin P.A. Prachechnaja chelovecheskih dush: Hudozhestvennye proizvedenija. 1907–1923. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2017. 512 p.
- Sorokin P.A. Social'naja mobil'nost'. Moscow: Academia; LVS, 2005. 588 p.
- Sorokin P.A. Zametki sociologa. Sociologicheskaja publicistika. Saint Petersburg: Aletejja, 2000. 300 p.
- Tokvil', Aleksis de. Staryj porjadok i revoljucija. Saint Petersburg: Aletejja, 2008. 248 p.